

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №2, Том 12 / 2021, No 2, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Каменский Е.Г. Коррупциогенные риски модернизации высшего образования в социокультурном контексте современной России: теоретический очерк // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kamensky E.G. (2021). Corruption risks of modernization of the higher education in a sociocultural context of modern Russia: theoretical sketch. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(12). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/29KLSK221.pdf> (in Russian)

Каменский Евгений Георгиевич

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Россия

Доцент кафедры «Философии и социологии»,

докторант по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры»

Кандидат социологических наук

E-mail: kamenskyeg80@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1727-7167>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=336509

Коррупциогенные риски модернизации высшего образования в социокультурном контексте современной России: теоретический очерк

Аннотация. В статье акцентируется, что современный культурно-исторический этап развития России может быть охарактеризован как этап масштабной модернизации институциональных основ общества. Декларации результативности проводимого курса модернизации не всегда соотносены с объективным состоянием социокультурных контекстов, в которых реализуются конкретные управленческие инновации. Обосновывается, что в контексте сложившейся ситуации одним из наиболее деструктивных факторов российской модернизации является коррупция. При этом коррупционность российского общества, его политико-экономических процессов осознается политическим руководством государства, вплоть до Президента России, научным сообществом, общественными объединениями, рядовыми гражданами страны вне зависимости от социально-профессионального статуса. В работе теоретически доказывается, что коррупция обретает черты культурно-регулятивного механизма для социальных практик. Одной из фундаментальных социокультурных структур, подверженных коррупциогенным рискам, является система национального образования. В результате формулируется вывод, что внимание к проблемам подобных рисков для высшей школы объясняется особым статусом последней, фундаментальностью ее социокультурных функций по трансляции культурно-цивилизационных социокодов, разрушение которых способно существенно деформировать всю институциональную систему общества. Это связано, в первую очередь, с тем, что осуществление задач модернизации требует формирования в вузах определенного типа профессиональных кадров, способных выстраивать работу на принципах демократии и законности, соблюдения приоритетов ценности человеческой личности, ее прав и законных интересов вне зависимости от сферы профессиональной реализации.

Ключевые слова: высшее образование; модернизация; коррупция; коррупциогенность; риски; культурная традиция; патернализм; бюрократия

Любой курс модернизации подразумевает выбор определенного вектора развития, предполагающего в процессе реализации и достижения заявленных целей возможность возникновения непредвиденных либо нежелательных обстоятельств и результатов, обобщенно понимаемых как риски. Например, Ю. Васильев, анализируя рискогенные факторы капиталистической модернизации России на основании теории Н. Кондратьева, констатирует: «В условиях вхождения России в систему глобального капитализма резко возрастают новые риски и системные опасности» [1, с. 18].

Одним из наиболее актуальных рисков современного этапа процесса модернизации высшего образования выступают коррупциогенные, или, как чаще говорят, коррупционные риски. Они определяются высокой степенью распространения в российском обществе устойчивых патерналистски-бюрократических паттернов солидарности национальной культуры. Однако уже на стадии определения понятийного конструкта данного феномена возникают значительные трудности. В частности, К.М. Ташина и И.Н. Пустовалова констатируют: «Анализ специальной литературы и нормативных источников свидетельствует о том, что, несмотря на широкое употребление словосочетания "коррупционные риски", единого и четкого определения этому понятию не выработано даже применительно к конкретной сфере деятельности или властной структуре» [2].

Например, определяя понятие данного вида рисков, М.В. Абрамов пишет: «...коррупционные риски — это содержащиеся в системе управления потенциальные возможности для действий или бездействия должностных лиц с целью незаконного извлечения материальной и иной выгоды при выполнении своих должностных полномочий» [3].

В данном случае М.В. Абрамов определяет коррупционные риски как комплекс факторов, детерминирующих коррупцию. Это, по нашему мнению, генеалогически неточно. Данный тип рисков, создавая потенциально коррупционные типы отношений, определяется нами как *коррупциогенные* риски. Таким образом, коррупционность не есть коррупциогенность. Здесь причинно-следственные связи имеют обратную направленность: первые (коррупционные) детерминированы коррупцией, вторые (коррупциогенные) — создают для нее потенциальные условия и возможности репрезентации. Г.Г. Горшенков и Г.Н. Горшенков представляют схожую позицию: «Генезис коррупции как социально-юридического явления и объекта управленческого (преимущественно правоохранительного) противодействия можно объяснить, в частности, с позиции факторного подхода. Таким образом, коррупциогенный фактор — рождающий коррупцию, ее движущая сила» [4].

На основании представленных в научной литературе определений коррупционных рисков [5–8] мы операционализируем данное понятие как специфически криминальные (по виду преступления — коррупции) риски, детерминируемые наличием и распространением в социокультурной среде общества коррупционных ценностей, норм, мотивов, потребностей, поведенческих традиций и моделей как элементов коррупциогенной традиции культуры. Все эти элементы соотносятся с такими паттернами национальной культурой, как редукты к ее инварианту, представляя целостную (эмерджентную) систему лишь в совокупности.

Соответственно, коррупционные риски — это риски, детерминированные коррупцией. Данный вид рисков может быть рассмотрен как самостоятельный в структуре социальных рисков общественного развития. В частности, Е.В. Будько, Е.А. Евстифеева отмечают: «Социальные риски связаны с такими факторами неопределенности, как изменения в политической ситуации, действующем законодательстве, трудовые конфликты, безработица,

социальная напряженность в обществе, изменения в криминогенной обстановке, коррупция. В настоящее время изучение социальных рисков актуально в связи с кризисом и многие из этих факторов можно наблюдать в повседневной жизни, а также благодаря СМИ: борьба правительства с коррупцией, массовые увольнения, невыплата заработной платы» [9, с. 266].

В приведенном мнении мы полагаем особо важной такую характеристику рискогенного статуса коррупции, как фактор неопределенности. Это определяет потенциал ее влияния на развитие той или иной социальной подсистемы по непредсказуемому вектору. То есть, коррупция выступает фактором дестабилизации социокультурных систем, провоцирует их бифуркационные состояния, что характеризует ее мультифакториальную онтологию.

Следовательно, *коррупционные риски* модернизации системы высшего образования — *потенциально деструктивные последствия коррупциогенных факторов ее реформирования, заключающиеся в вероятности невозможности достижения институциональных целей высшей школы в социокультурном процессе общества.*

С учетом того, что цели высшего образования реализуются через его основные функции, коррупциогенные и коррупционные риски для этого института определяются невозможностью адекватной реализации его функциональных процессов на социокультурном (макро-) и институциональном (мезо-) уровнях.

Говоря о связи указанных двух типов риска, мы полагаем, что их распространению в вузах способствует массовизация высшего образования¹. Это явление как следствие образовательной реформы коррупциогенно. В частности, Ф.Э. Шереги еще в 2014 году говорит об искажении дифференцирующей функции образования, которую мы понимаем как подфункцию системы ВО по воспроизводству социальной структуры. Он приводит следующие данные: «Доля специалистов высокой квалификации (руководители, ученые, врачи и др.) составляет 26,6 %, средней квалификации (технические специалисты, вспомогательные специалисты интеллектуального труда, рабочие высокой квалификации) — 29 %, рабочие и обслуживающий персонал низкой квалификации — 44,4 %. В целом работники средней и низкой квалификации составляют 73,4 %, что явно не свидетельствует о прогрессивной квалификационной структуре населения (за средне- и низкоквалифицированный труд много не платят), которая сегодня вряд ли привлекательна для молодежи» [10].

Приведенные данные актуальны и по сегодняшний день, они иллюстрируют стабильную массовую общую установку населения на получение молодым поколением высшего образования, что согласуется с политически декларируемыми приоритетами модернизации. В частности, формированием высококвалифицированного кадрового корпуса для их реализации. Такого рода ситуация предполагает массовизацию высшего образования. Это на фоне низкого образовательного уровня большинства абитуриентов, при выполнении задачи воспроизводства социально-профессиональной структуры, отвечающей целям модернизации, выполняется формально, имитируется и симулируется. Основными инструментами этих процессов являются коррупциогенные модели отношений. В результате такие отношения легитимируются, представляя собой сущностно имитационные практики и детерминируя такой коррупционный риск как формализация функциональной деятельности вузов через ее симуляцию. Здесь истинные цели образовательного процесса не могут быть достигнуты в полной мере.

Коррупциогенная трансформация моделей социально-профессиональных отношений в вузе легитимируется и обретает устойчивость по причине:

¹ См. напр.: Владимир Путин призвал не брать в вузы троечников // Сайт Первого канала. — URL: https://www.1tv.ru/news/2014-10-30/36217-vladimir_putin_prizval_ne_brat_v_vuzy_troechnikov (дата обращения 17.12.2020).

- во-первых, их реализации в контексте коррупциогенной традиции национальной культуры;
- во-вторых, в связи с формированием ситуации объективно выгодного социального обмена.

Последний аспект заключается в присвоении формального статуса специалиста (бакалавра, магистра) субъекту, не отвечающему реальным требованиям к нему со стороны социально-профессиональной среды, в обмен на незаконное вознаграждение. Данная ситуация, в связи с хронологической протяженностью процесса получения высшего образования, пролонгируется в биографическом этапе не только обучения в вузе самого студента, но и его родителей, профессорско-преподавательского состава, администрации вуза. То есть коррупционные отношения типизируются и посредством этого институциализируются. Это и выражается в феномене устойчивости коррупциогенной солидарности как традиции российской культуры, распространяющейся на широкий круг субъектов, связанных с образовательным процессом в вузе.

Таким образом, данный вид коррупциогенных рисков основан на определенной, специфической, объективно сложившейся в российской системе высшего образования форме контекстуально-субъектных отношений. Они интегрируют коррупциогенность среды и коррупциогенные установки субъектов в единое рискогенное пространство. При этом массовизация как коррупциогенный риск модернизации высшего образования коррелирует к одной из базовых ее задач, заключающейся в необходимости обеспечения его доступности. В этом пространстве формируются риски дисфункций профессиональной социализации, которые и заключаются в высокой вероятности недостижения как реальных, так и формальных целей образовательного процесса.

В итоге формируется определенная система коррупциогенно-коррупционных связей, характеризующих модель динамики воспроизводства рисков, связанных со следствиями реформ высшего образования: массовизацией, коммерциализацией и другими. Данная тенденция продолжает сохраняться в настоящее время. Процент студентов в отношении к общей численности молодежи продолжает расти, что связано с такими формами обучения, как заочная, очно-заочная («вечерняя»), в сокращенные сроки, дистанционная, повышающими в реальной образовательной практике коррупциогенность системы высшего образования.

Увеличению числа студенческой молодежи способствует также коммерциализация образования. И.М. Лоскутова отмечает: «...часть молодежи ... недостатки своего образования частично может компенсировать обращением к платным формам доступа в вуз. Однако при этом платное обучение, предоставляемое коммерческими структурами (филиалами учебных заведений и т. п.), часто оказывается менее качественным» [11, с. 145–146].

Таким образом, массовизация высшего образования тесно связана с его коммерциализацией, в обоих случаях формируя его коррупциогенный фон. Повышенный спрос на получение вузовского образования у населения создает предпосылки для коммерциализации образовательных услуг. Сама категория «услуги» отражает коммерческий характер обучения. В итоге наблюдается принцип замкнутой детерминации, где оба коррупциогенных фактора способствуют распространению упрощенных, как правило нелегальных, в первую очередь коррупционных моделей образовательных практик. То есть порождаются коррупционные риски модернизации ВО на фундаменте коррупциогенно-деструктивных следствий реформирования высшей школы. Далее, уже в процессе обучения через коррупционные ритуалы поддерживается имитационность и симуляция образования.

В этом случае и наблюдается эффект трансформации коррупциогенных рисков в собственно коррупционные для университетской системы. При этом, парадоксально то, что,

несмотря на значительный рост общественного спроса на получение высшего образования, степень его коррупционности оценивается гражданами как крайне высокая. Следовательно, можно констатировать субинституциональную репрезентативность общих характеристик коррупционности институциональной системы российского социума в социокультурных контекстах системы высшего образования.

Кроме того, одной из наиболее актуальных проблем современной России, имеющей длительную историческую традицию, является не просто коррупционная, а патерналистская бюрократически-коррупциогенная система управления основными социально-политическими институтами общества. Она транслируется сегодня, по нашему мнению, в систему высшего образования именно в контексте унификации моделей институционального менеджмента вне зависимости от их отраслевой специфики. Наблюдается специфический эффект отражения состояния патерналистски-бюрократической традиции во всем институциональном пространстве общества. В частности, в этом отношении содержательно ценна работа Г.Л. Ильина [12], отмечающего взаимообратные процессы бюрократизации и коррупции в отечественной системе образования, в первую очередь высшего. Управленческие вертикали, характерные для политических структур, порождают коррупционные модели взаимодействия как с гражданами (потребителями), так и внутри управленческой системы (властные горизонталы и вертикали) ввиду специфики их организации. В результате они транслируются во всем институциональном контексте на всех уровнях администрирования. В свою очередь коррупционные типы отношений консолидируют управленческие системы, укрепляют их, обеспечивая устойчивость коррупциогенности организационной культуры и ее трансляцию в социально-хронологическом и системно-структурном аспектах. Таким образом, коррупциогенность системы управления высшим образованием самовоспроизводится через унификацию и цикличность развития ее структурно-системных характеристик. Следовательно, коррупционные характеристики административной системы социокультурного пространства могут интерпретироваться как коррупциогенные риски модернизации высшего образования контекстуального характера.

Кроме того, на основании результатов социологического опроса, проведенного в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Анализ результатов реализации приоритетного национального проекта "Образование" как методической основы управления модернизацией системы образования в условиях инновационного развития экономики Российской Федерации», выполняемого в «благополучные 2000-е» годы Центром социального прогнозирования и маркетинга, а также данных, полученных в ходе изучения эффективности реализации национального образовательного проекта «Наша школа», можно констатировать, что идею модернизации образования оценивают в целом положительно 100 % руководителей органов управления образованием субъектов РФ (в 2005 г. — 81,5 %; 2006 г. — 94,6 %; 2007 г. — 100 %; 2008 г. — 94,2 %; 2009 г. — 96,7 %). Данные цифры отражают, по нашему мнению, высокий уровень политического конформизма управленческих кадров административных структур системы региональной власти в области образования. Показательны в отношении реальной оценки курса модернизации системы ВО данные, согласно которым 45 % опрошенных руководителей (в 2007 г. — 56,7 %; 2008 г. — 47,4 %; 2009 г. — 57,1 %) придерживаются мнения, что условия реализации мероприятий модернизации в стране еще не созданы, или для ее успешной реализации пока отсутствует «человеческий фактор» [13–15].

Цитируемые данные опроса руководителей региональных административных структур в сфере образования иллюстрируют, по нашему мнению, повсеместно отмечаемые черты специфического типа организационной культуры чиновничества, вне зависимости от его локализации в политической вертикали. То есть корпоративизм, со всеми специфическими, присущими ему в российских условиях, чертами коррупционной культуры.

Кроме того, согласно результатам опроса, приводимым Г.А. Ключаревым, подавляющее большинство региональных руководителей одобряли и одобряют повсеместное введение и распространение ЕГЭ, о коррупционности которого говорят громкие скандалы последних лет, широко освещаемые в СМИ. На фоне низкого уровня знаний современных абитуриентов опрошенные руководители считают целесообразным снижение нагрузки на учащихся во всех классах школы в среднем на 20 %¹. Считаем, что это может только усугублять примитивизацию реализуемых сегодня образовательных программ, не позволяющих выпускникам школ осваивать в необходимом объеме вузовские программы и вынужденных прибегать для прохождения формальной аттестации к коррупционным схемам взаимодействия с вузовским персоналом.

Следовательно, в условиях унификации и бюрократизации моделей управления, коррупционных традиций социокультурной среды, на фоне массовизации и коммерциализации образования могут быть определены основные коррупциогенные и коррупционные риски модернизации системы высшего образования. Данные риски мы располагаем последовательно, согласно критериям хронологии их формирования и детерминации, а также уменьшения их социокультурного масштаба:

- Риск формирования, стабилизации и институционализации коррупционной культуры. Сущность этого риска заключается в том, что ее элементы все более распространяются в обществе. По мере их распространения они типизируются и формируют устойчивые комплексы и связи, т. е. обретают черты социального института, обладающего собственным ценностно-нормативным содержанием, регулятивами и поведенческими паттернами. В результате институциональный комплекс коррупции формирует собственные ритуалы и традиции, все более обретая черты культурной матрицы. В обществе и его институциональной системе, включающей и систему высшего образования, распространяется такого рода матрица социально-профессиональных практик, определяемая нами как коррупционная культура.

- Риск коррумпируемости системы институционального пространства общества, ее унификация, саморепликация и локализация в субинституциональных контекстах. То есть, согласно принципам параметричности и иерархичности устройства социокультурной системы, наблюдается трансляция общеконтекстуальной матрицы коррупционной культуры в более низкий уровень институционального пространства высшего образования. Закрепление коррупционных паттернов осуществляется, в первую очередь, в административных звеньях внутриинституциональной иерархии ВО. Рискогенность ситуации связана с тем, что именно через эти связи на формальном уровне институт взаимодействует со средой. Далее коррупционная матрица распространяется на все остальные низлежащие уровни (в первую очередь преподавателей и студентов) через нормативы организационной культуры внутри института. В итоге, обретая в институциональных локусах высшей школы собственную специфику форм и содержания, когерентно общекультурным процессам формируется коррупциогенная культура высшего образования, выступающая контекстуальным полем деформации его функций.

- Риск примитивизации высшего образования (как самого процесса, так и результата), связанный не столько с его массовизацией, сколько с коррупционными формами его получения. Точнее, эти процессы когерентны друг другу. Симуляция смыслов и имитация форм получения высшего образования, являясь следствием распространения идеологии общества потребления, стимулирующие коррупцию в высшей школе, в дальнейшем, по мере формирования коррупционной культуры, начинают ею же детерминироваться. Вновь иллюстрируются синергетические механизмы круговой причинности, затрудняющие противодействие деструктивным влияниям коррупции в образовании вне изменения

системного контекста модернизации. Коррупционный ритуал начинает выступать широко распространенной практикой взаимодействия в вузе. Через него и преодолеваются традиционные селекционные фильтры института высшего образования.

- Риск снижения уровня профессиональной компетентности и распространения кадров низкой квалификации, их интеграции в высокопрофессиональный корпус страны, позиционируемый в политических декларациях как гарант реализации целей модернизации России. В данном случае наблюдается более отдаленные, опосредованные риски коррупционности институциональной среды высшего образования. То есть формирование в системе ВО типа личности, названного нами выше как «неквалифицированный потребитель», является следствием не непосредственно коррупции в высшей школе, а вызываемых ею деформаций этого института. В первую очередь это функциональные деформации, приводящие к деструкциям процесса профессиональной социализации молодежи (например, формированию коррупционного сознания) уже на стадии получения квалификации.

- Риск трансляции матрицы коррупционной культуры из институциональной среды системы высшего образования и ее стабилизации на уровне управляющих параметров и параметров порядка всей социокультурной системы общества, то есть ее интеграция в общекультурную национальную матрицу. В данном случае мы наблюдаем риск обогащения коррупционного содержания национальной культуры устойчивыми паттернами коррупционного взаимодействия, приобретенными молодым поколением в процессе получения основанного на них высшего образования. С учетом особой актуальности функции системы ВО по воспроизводству социальной структуры, сформированного на сегодняшний день коррупционного содержания ее реализации и непрерывности осуществления, очевидно, что подобное содержание (паттерны мышления и поведения) и будет «выбрасываться» во вне. Причем в сложившемся хронотопе происходит это будет также непрерывно, когерентно процессу реализации самих функций ВО, то есть во все время существования института, либо до кардинального изменения его функционального набора (если это вообще возможно). В данном случае и замыкается круг детерминации (круговая причинность) коррупционных деструкций системы высшего образования, где коррупциогенный фон среды деформирует институциональный локус, сам же деформируется его содержанием в диссипативных системных связях.

В качестве вывода по результатам теоретического исследования, отраженным в данной статье, возможно сделать следующие обобщения.

Проблема коррупциогенных рисков в традиции национальной культуры в настоящее время не имеет непротиворечивого научного объяснения. Это проявляется как в отсутствии строгих методологических подходов к изучению феномена, так и в неразработанности определения базовых понятий.

Российская особенность коррупциогенной традиции культуры заключается в ее институциональном характере и содержательно формируется из трех базовых элементов:

- коррупциогенная традиция;
- особенности национальной организационной культуры;
- альтернативная формально-правовая ментальная и поведенческая модель общественных отношений как ответ на состояние социокультурной аномии.

Интегративно-институциональный характер коррупциогенной культуры в российском обществе отражает специфически криминогенную/криминальную (коррупциогенную/коррупционную) ценностно-нормативную матрицу социально-профессиональных практик.

Это особенность российской коррупции формирует коррупциогенный фон социокультурной среды, транслируемый в институциональную подсистему общества.

Институт высшего образования, будучи включен во внешние отношения с такой средой, подвержен влиянию как коррупциогенных, так и собственно коррупционных факторов, связанных в числе прочих, с процессом его модернизации. В результате деформируется процесс реализации функций высшего образования, заключающийся в рисках невозможности достижения его базовых социокультурных целей. Такие эффекты процесса реформирования высшей школы в современных социокультурных условиях определены как коррупциогенные и коррупционные риски ее модернизации.

Структурно данные риски классифицируются на социокультурные (фоновые) и институциональные (контекстуальные). Иллюстрируется экзогенно-эндогенная факторная природа коррупции. Среда и институциональный контекст высшего образования, находясь в отношениях социокультурного обмена, непрерывно взаимно транслируют в них элементы коррупциогенной традиции культуры. Формируется феномен круговой причинности (замкнутой детерминации). В результате институциональный, регулятивный статус коррупциогенных паттернов солидарности все более стабилизируются как в самой университетской системе, так и в обществе в целом.

Коррупциогенные и коррупционные риски процесса модернизации комплексно несут угрозу искажения декларированных результатов реформирования системы образования. Нивелируются цели развития ее институционального пространства и реализации традиционных и новых социальных функций в контексте приоритетов инновационного развития. Все более распространяются коррупциогенно обусловленные имитация и симуляции образовательного процесса. В результате не могут быть достигнуты социокультурные цели профессиональной социализации молодежи и обновления кадрового корпуса экономики, деформируются механизмы воспроизводства социально-профессиональной структуры общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, Ю. О факторах риска в условиях капиталистической модернизации в России: цикличность кризисов / Ю.В. Васильев // Власть. — 2012. — № 10. — С. 18–22.
2. Ташина, К.М. К вопросу о понятии коррупционных рисков / К.М. Ташина, И.Н. Пустовалова // Успехи современного естествознания. — 2012. — № 4. — С. 212–214.
3. Абрамов, М.В. К вопросу о сущности понятия «коррупционные риски» / М.В. Абрамов // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 4. — С. 69–73.
4. Горшенков, Г.Г. Коррупциогенная должность / Г.Г. Горшенков, Г.Н. Горшенков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 2(1). — С. 247–252.
5. Казаченкова, О.В. Конфликтный потенциал государственной службы как фактор возникновения коррупционных рисков / О.В. Казаченкова // Административное и муниципальное право. — 2010. — № 2. — С. 36–42.
6. Павлов, А. К вопросу о банке данных зон коррупционного риска / А.К. Павлов // Гослюди. URL: <http://goslyudi.ru/blog/apavlov/46826/>.
7. Сатаров, Г. Диагностика российской коррупции: социологический анализ / Г. Сатаров. — М.: Фонд ИНДЕМ, 2008. — 280 с.
8. Хабриева, Т.Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2011. — № 4. — С. 16–27.
9. Будько, Е. В. Риски современной социальной ситуации в России / Е.В. Будько, Е.А. Евстифеева // Вестник ТГУ. — 2012. — Вып. 2(106). — С. 264–269.
10. Шереги, Ф.Э. Профессиональное образование и воспроизводство социальной структуры / Ф.Э. Шереги // Институт социологии РАН: офиц. сайт. 2010. — URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1891>.
11. Лоскутова, И.М. Социальные проблемы современного российского образовательного пространства / И.М. Лоскутова // Власть. — 2013. — № 4. — С. 144–146.
12. Ильин, Г.Л. О бюрократизации и коррупции в отечественном образовании / Г.Л. Ильин // Школьные технологии. — 2012. — № 6. — С. 9–17.
13. Ключарев, Г.А. О ходе реформ в российском образовании / Г.А. Ключарев // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. — Москва: Новый хронограф, 2015. — С. 324–346.
14. Ключарев, Г.А. Реформа российского образования в оценках экспертов и мнениях родителей / Г.А. Ключарев // Социологический журнал. — 2014. — № 3. — С. 70–85.
15. Ключарев, Г.А. Экспертная оценка эффективности модернизации образования / Г.А. Ключарев // Институт социологии РАН: офиц. сайт. — 2010. — URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1906>.

Kamensky Evgeny Georgievich

South-West State University, Kursk, Russia

E-mail: kamenskyeg80@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1727-7167>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=336509

Corruption risks of modernization of the higher education in a sociocultural context of modern Russia: theoretical sketch

Abstract. In article it is accented that the present cultural and historical stage of development of Russia can be characterized as a stage of large-scale modernization of institutional bases of society. Declarations of productivity of a conducted course of modernization not always are correlated to an objective condition of sociocultural contexts in which concrete innovations of management are realized. Locates that in a current situation context one of the most destructive factors of the Russian modernization is corruption. Thus the corruptibility of the Russian society, his political and economic processes is realized by the political leaders of the state, up to the President of Russia, scientific community, public associations, ordinary citizens of the country regardless of the social and professional status. In work it is theoretically proved that corruption finds lines of the cultural and regulatory mechanism for social the practician. One of the fundamental sociocultural structures subject to corruption risks, the system of national education is. The conclusion is as a result formulated that the attention to problems of similar risks for the higher school is explained by the special status of the last, fundamental nature of her sociocultural functions on translation cultural and civilization sociocodes which destruction is capable to deform all institutional system of society significantly. It is connected, first of all, by that implementation of problems of modernization demands formation in higher education institutions of a certain type of the professional shots, capable to build work on the principles of democracy and legality, observance of priorities of value of the human person, her rights and legitimate interests regardless of the sphere of professional realization.

Keywords: the higher education; modernization; corruption; corruptibility; risks; cultural tradition; paternalism; bureaucracy